

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a stormy sea. The water is rendered in shades of deep blue and black, with white foam from the waves. In the lower foreground, a small, dark boat is visible, with several figures inside, struggling against the waves. The overall mood is one of danger and survival.

Вячеслав Губанов

---

# Робкий Лев

Подзаголовок

18+

Вячеслав Губанов

**Робкий Лев**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

## **Губанов В.**

Робкий Лев / В. Губанов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Пятидесятилетний Роман Борей не может приспособиться к зарождающимся в России капиталистическим отношениям, сменившим привычный социализм с его коллективными отношениями, и к 2002 году оказывается на дне жизни. Он снова устраивается на работу, старается изо всех сил, но руководители относятся к нему враждебно из-за страха потерять своё место. Понимая, что ему нужен более сильный и бесстрашный характер, Роман заставляет себя совершать поступки, которые раньше казались немислимыми, а недостающие качества он заимствует у своих врагов. И его жизнь меняется до неузнаваемости!

# Вячеслав Губанов

## Робкий Лев

### Книга первая

#### Предисловие

*Измени свое мнение о тех вещах,  
которые тебя огорчают, и ты будешь  
в полной безопасности от них.*

*Марк Аврелий*

Как сильно изменился век,  
А вместе с ним и человек!  
Пришли обычаи чужие  
И, беды причинив большие,

Остались властвовать тогда...  
Как знать, быть может, навсегда —  
Устали мы от революций,  
Гражданских войн и контрибуций,

Бандитских денежных реформ,  
Зарплат, что только на прокорм,  
Пустых прилавков, цен растущих,  
Финансов, из страны бегущих.

Сменив отживший атавизм,  
В страну явился «новый русский»,  
И мал ему костюмчик узкий,  
Что выдал тоталитаризм.

Какой же русский не мечтал  
Идти с Евросоюзом в ногу...  
И только кризис помешал  
Нам стать Европой... Слава Богу!

Пришлось бы дорого платить  
За европейские круизы,  
Цена – мечта в комфорте жить  
И ненависть к своей отчизне.

Нам не впервой дела вершить,  
После падений поднимаясь,  
И, в офисах совокупляясь,  
Мы снова начинаем жить,

Чтоб возродились жизнью новой  
Отцов привычки и дела  
И стали прочною основой  
Для новых взлётов ремесла.

И перемены час настал,  
Всё одолев, страна в кураже,  
И появились персонажи...  
Советский мир таких не знал.

## Глава 1. Трудоустройство

*И я в чины бы лез, да неудачи встретил,  
Как, может быть, никто и никогда;  
А. Грибоедов. Горе от ума*

### 1

Любой нормальный человек,  
Не избалованный судьбою,  
Кто вынужден в свой краткий век  
Располагать самим собою,

Кто не из тех пустых юнцов,  
Чья жизнь – единственное средство  
Растратить капитал отцов,  
Доставшийся ему в наследство, —

Стремясь вполне достойно жить,  
Ходить обязан на работу,  
Чтоб, отработав, получить  
Скупую денежную квоту.

И даже властный олигарх —  
Тот, что богат (и даже слишком!),  
И то с работою в ладах,  
Он с ней знаком не понаслышке.

Способен лишь пенсионер  
Совсем не думать о работе...  
Вот только пенсии размер...  
Прервём зачин на грустной ноте...

### 2

Двадцать шестого декабря  
Две тысячи второго года  
В одиннадцать часов утра  
Была чудесная погода.

Сияло солнце, как весной,

Но был мороз, вполне приличный,  
И снег поскрипывал тугой,  
Звук издавая мелодичный.

Мужчина крепкий, полный сил,  
На территорию завода  
В большом волнении входил,  
В душе надеясь, что природа

Являет добрый знак собой:  
На ярком солнце снег искрился,  
Сверкал под неба синевой,  
Где диск Луны едва светился.

Ни Новый год, ни Рождество,  
Что очень скоро наступали,  
Как праздники, как торжество  
Его не очень занимали.

Он шёл вперёд, не чуя ног,  
Стараясь дрожь умерить в жилах,  
Но удержаться от тревог,  
Как ни пытался, был не в силах.

Причиной всех тревог была  
Проблема вот какого рода:  
Фиаско потерпев в делах,  
Он не работал больше года.

### 3

Роман Евгеньевич Борей  
Был сломлен горьким пораженьем,  
Отгородившись от людей,  
Он занимался только чтеньем.

Жена была готова ждать,  
Но деньги были на исходе,  
И ей пришлось уже рыдать...  
Тогда подействовало, вроде.

Он стал «Профессию»<sup>1</sup> читать  
(В ней на работу приглашали),  
О важных должностях мечтать...  
Мечты безделью не мешали.

Но тут мечтам пришёл конец  
(Приходит он всему на свете) —  
Увидел безработный чтец  
Вдруг объявление в газете:

Заводу был необходим  
Специалист по инструменту —  
И он, желанием гоним  
Внести свою, по силам, лепту,

С дивана ноги опустил,  
Не ждя повторного сигнала,  
Не медля, тут же позвонил  
В бюро подбора персонала,

Услышал, что к тому моменту  
Им инженер по инструменту  
Необходим, его оклад —  
Пять тысяч. Он был очень рад,

И в то же утро, в страшной спешке,  
Моля Исуса о поддержке,  
Поехал на завод, и вот —  
По территории идёт.

#### 4

В бюро подбора персонала  
Ему инспектор отвечала,  
Что следует сейчас идти  
К Арапову, и как найти —

Простую схему рисовала  
(А схема – всех начал начало!).  
«Но кто же он?» – спросил Роман,  
Пока она чертила план.

«Гудков – технический директор,  
Он в иерархии – второй, —  
Ему ответила инспектор,  
Давая правильный настрой. —

Арапов – первый заместитель,  
Всех важных дел распорядитель,  
И персонал – его конёк...  
Надеюсь, поняли намёк?»

Роман, едва уняв волнение,  
Пошёл в заводоуправление,  
Нашёл столь нужный кабинет  
И видит: никого в нём нет.

Лишь человек седой, невзрачный  
У дальней лестницы курил

И, выпуская дым табачный,  
Угрюмо взад-вперёд ходил.

Его белёдые глаза,  
Что раньше голубыми были,  
Морщин глубоких борозда  
На дряблой коже цвета пыли —

Свидетельствовали о том,  
Что он когда-то был в почёте,  
Но тихо спился, а потом  
Лишь оставался на учёте

И скромно доживал свой век  
Из жалости к нему начальства —  
Как ветеран, как человек,  
Пришедший на завод сызмальства.

Он это право получил  
За все минувшие заслуги  
(Роман знал многих, кто влачил  
Такую жизнь, и их недуги).

На нём был старенький пиджак  
Вреён начала Перестройки,  
А брюки были смяты так,  
Как будто прибыли с помойки.

Тяжёлым кашлем ветеран  
Сочувствие невольно вызвал  
(Или презрение?)... Роман  
Спросил у чуда архаизма:

«Арапов нужен мне... Скажите,  
Где я могу его найти?» —  
«Гордей Вам нужен?.. Подождите,  
Он должен скоро подойти», —

Ответил ветеран, и вскоре  
В пустынном длинном коридоре  
Раздался топот быстрых ног.  
Роман увидеть только смог,

Как низкорослая фигура  
Вошла в искомый кабинет.  
«Вот и Гордей! Другого нет», —  
Сказал седой, от перекура

Отвлёкшись на короткий миг.

Роман, со смутным ощущением,  
Что он врасплох его застиг  
Столь фамиллярным обращением,

Пошёл к Арапову. Неловко  
Войдя в невзрачный кабинет,  
Представился, присел и робко  
Беседу начал тет-а-тет.

## 5

Пока Арапов изучал  
Предъявленные документы,  
Роман невольно подмечал  
Все характерные приметы

Обличья: волосы густые  
С едва заметной сединой,  
С пробором; серые простые  
Глаза; нос тонкий и прямой.

Его приятное лицо  
К себе тотчас расположило...  
Лишь обстоятельство одно  
Романа вдруг насторожило:

Бесформенный, капризный рот  
С губами смутных очертаний —  
Как правило, он выдаёт  
Невнятность мыслей и желаний.

«А инструментом много лет,  
Я вижу, ты не занимался...  
Да-а, перерыв образовался...  
И опыта бывшего нет»...

«Ну, вот и всё! – Роман решил, —  
Прощай работа и зарплата!»  
Он улыбнулся виновато  
И молча голову склонил.

«Чтоб знания восстановить,  
Тебе придётся потрудиться...  
На курсы, может быть, сходить...  
Так что же, ты готов учиться?» -

Сказал Арапов. Целый год,  
Романом дома проведённый,  
Им не замечен был, и тот  
Воскликнул, чудом возрождённый:

«Учиться я готов всегда!»  
Теперь он счастлив бесконечно:  
Страх, поражений череда —  
Уходят в прошлое навечно!

Так стоит ли ему сейчас  
Той слабости своей стыдиться?  
Он принят, значит, в добрый час!  
Пришла пора ему трудиться!

И он заранее простил  
Привычку босса к панибратству:  
Тот был так добр, что допустил  
Его к работе... и к богатству.

Кем только он не побывал,  
Всерьёз мечтая о богатстве!  
Был бизнесменом, торговал,  
А на пельменном производстве

Командовал участком он.  
Потом настали перемены:  
Оставив вкусные пельмени,  
За производство макарон

Он взялся, не имея знаний.  
Роман искал высоких званий,  
И там директором он был...  
Но только год руководил...

Арапов всё простил ему,  
Не захотел чинить препоны!  
Сказал лишь: «Только никому  
Не говори про макароны!..

Ну, ладно, в цех сейчас пойдёшь —  
На наше посмотреть хозяйство!» —  
То, как он это произнёс,  
Похоже было на зазнайство.

Арапов тут же трубку взял,  
Жидкова в кабинет позвал,  
И тот, спустя одно мгновенье,  
Вошёл со стуком в помещенье.

## 6

То был серьёзный господин!  
По взгляду судя, правил строгих,

А в волосах густых и чёрных  
Заметно не было седины,

Хотя и вся его серьёзность,  
И кустики его бровей  
Мгновенно выдавали возраст:  
Он явно старше, чем Борей.

«Семён Абрамович! Борей  
Ты в цех, пожалуйста, своди:  
Покажешь новые станки —  
И возвращайтесь поскорее».

Они пошли. Покинув зданье,  
Готовый выполнить заданье  
Жидков внимательно взглянул,  
Роману руку протянул:

«Итак, Вас проводить готов,  
Но познакомимся поближе:  
Семён Абрамович Жидков!  
Вы здесь впервые, как я вижу?» —

«Роман Евгеньевич Борей!  
Благодарю Вас за услугу», —  
Ответил тот и без затей  
Пожал протянутую руку.

Жидков, помедлив, продолжал,  
И у почтеннейшего гида  
Внезапно голос задрожал —  
Вибрировала в нём обида:

«И я б такой услуге рад,  
Но мне завод не показали,  
Когда три месяца назад  
Меня на должность принимали!

Я не был никому представлен,  
О назначении приказ  
Никто не видел. Я оставлен  
Без попеченья. Всякий раз

Испытываю униженье,  
Доказывая всем подряд:  
Оформлен я как кандидат  
В Техническое Управление!

Ну, а технический директор

Меня, признаюсь, удивил!  
Мне кажется, он странный вектор  
Для дел моих установил:

При первой встрече заявил,  
Что должен я всегда стараться,  
Работать, не жалея сил, —  
И все должны меня бояться!

Техническое Управление —  
Важнейший орган заводской,  
И все должны терять покой,  
Моё завидя появленье!» —

«Он так сказал?» — «Почти дословно». —  
«Довольно странные слова,  
И в них довольно хвастовства», —  
Роман заметил. — «Безусловно!»

## 7

Но вот и цех. Вошли в ворота,  
Пересекая длинный зал,  
Что свежей чистотой блистал,  
Они дошли до поворота,

Прошли вдоль ряда верстаков —  
Туда, где в глубине участка  
Стояло около десятка  
Новейших фрезерных станков,

И все с программным управлением.  
О чудо! Двадцать первый век!  
И это создал человек!  
Роман смотрел с благоговеньем,

Как в чреве каждого станка,  
Защитным кожухом закрыта,  
Обильной смазкою полита,  
Фреза в сто раз быстрее волчка

Вращалась, точно исполняя  
Команды цифровых программ,  
Где нужно, ровно миллиграмм  
С детали бережно снимая.

А рядом на столе лежали  
Уже готовые детали.  
Уложенные в ровный ряд,  
В лучах светильников блестят,

И чистота их обработки  
Уже не требует доводки.  
И тут же, на другом столе —  
Фрез уникальных дефиле,

И каждая из них была  
Таким же чудом от прогресса,  
С большим достоинством ждала  
Начала сложного процесса.

Неподалёку инженеры  
Вели предметный разговор,  
Затронувший такие сферы,  
Как допуск, квалитет, зазор.

Процесс механообработки  
Был им до тонкостей знаком,  
Слова просты, движенья чётки,  
В них всё дышало естеством.

Сдержанность восторг и восхищенье  
Роману было выше сил...  
И вдруг неловкость и смущенье  
Он против воли ощутил:

Ведь инженер по инструменту  
Обязан лучше, чем «на пять»,  
Режимы обработки знать...  
Но он к другому контингенту,

К другим кругам принадлежал:  
Он принимал цехов заявки,  
Готовил ведомости, справки,  
Договора акцептовал<sup>2</sup>...

Короче, он снабженцем был —  
В режимы вникнуть не старался,  
Случайных знаний нахватался,  
И то, что знал, уже забыл.

Роман, в сомненьях и тревоге,  
Вновь очутился на дороге —  
Туда, в тот самый кабинет,  
Где предстояло дать ответ.

## 8

Но был Арапов не один:  
За приставным столом понуро

Сидел дородный господин  
С густой седою шевелюрой

И затемнёнными очками.  
«Что скажете насчёт станков?  
Готовы ли работать с нами?» —  
Спросил Арапов. «Я... готов...

Станки понравились... Но я...  
Ведь я снабжением занимался,  
И мне не хочется вранья...  
Ну, в общем, я засомневался...»

Арапов вдруг повеселел:  
«Проблемы эти разрешимы —  
Узнаете станки, режимы,  
Всё не спеша, по ходу дел!» —

«Меня устроит... Но скажите,  
Мне очень хочется узнать:  
А Вы, случайно, не грешите  
Задержкой выдачи зарплат?» —

«Мы деньги платим р-р-регулярно! —  
Босс произнёс высокопарно,  
Во рту катая букву «р»  
Почти «на аглицкий манер». —

Да вот Савчук Вам подтвердит:  
Скажи, тебя не обижали?» —  
«Семь тысяч, как и обещали», —  
Уныло вынес свой вердикт,

О чём-то горестно вздыхая  
И головы не поднимая  
От стопки деловых бумаг,  
Дородный господин в очках.

Роман ответил: «Я согласен!»  
Он понял, что не так ужасен  
Цех со станками, коль к нему  
(И это видно по всему!)

Арапов очень расположен...  
«Теперь, чтоб дело завершить,  
Технический директор должен  
Всё окончательно решить.

Идём к нему!» – Арапов встал

И вверх по лестнице огромной  
С Романом без труда взбежал.  
Они в директорской приёмной:

Массивный стол и секретарь —  
До слёз знакомая картина.  
Тому, кто этот инвентарь  
Увидит, – ясно: здесь вершина

Всей пирамиды заводской,  
Причина робости, волненья,  
Сюда течёт поток людской  
Из тех, кто жаждет возвышенья.

Два кабинета было здесь.  
В одном – директор генеральный:  
Солидно всё, но без чудес,  
Неподалёку стол журнальный.

Технический директор – рядом.  
Роман отметил быстрым взглядом,  
Что дверь его была скромней —  
Как тысячи других дверей.

Арапов смело дверь открыл,  
За длинный стол для совещаний  
Уселся он без колебаний,  
Романа жестом пригласил.

Огромный лысый человек  
Сидел, всей массой в кресло вдавлен,  
Из-под его тяжёлых век  
Взгляд на Романа был направлен.

Из грубых черт его лица  
Особенно в глаза бросалась  
(Знак прирождённого бойца)  
Большая челюсть. Завершалась

Картина эта ртом большим  
С прямыми тонкими губами.  
«Завод наш, не в пример другим,  
Растёт и множится с годами! —

Он вдохновенно начал речь. —  
И нам нужны специалисты,  
И Ваших родичей привлечь  
Готовы мы. Нам активисты

Нужны, и я сказать хочу:  
Для нас прогресс – вопрос глобальный,  
И должности Вам по плечу  
Все... Хоть директор генеральный!»

Роман же выслушал без слов  
Фрагменты речи вдохновенной:  
Он был покамест не готов  
К такой крамоле откровенной.

Затем оратор полистал  
Боряя книжку трудовую  
И острым взглядом увидал,  
Что год Роман провёл впустую.

«Мне нужно было помогать...  
Своей родне... Ведь мне не в тягость...» —  
Роман решил, что лучше врать,  
Чтоб скрыть свою былую слабость.

Технический директор внял  
Слепой готовности Романа  
Помочь родне и отослал  
В бюро подбора персонала,

Чтоб он, все отложив дела,  
Устраивался на работу.  
Роман продал свою свободу —  
И стала жизнь, как день, светла!

## 9

На следующий день, в четверг,  
Он появился рано утром,  
Себя с готовностью подверг  
Необходимым процедурам,

А в пятницу уже Роман  
На радостной, высокой ноте,  
Волнуясь, словно мальчуган,  
Докладывал: «Готов к работе!» —

«Роман Евгеньевич, тогда —  
Вас в понедельник вызываю...  
Но где Вы сядете, пока  
Ваш стол отсутствует, не знаю...

Хотя не будем о пустом:  
За мебель деньги заплатили —  
Чтоб обеспечить Вас столом,

Приложим мы все наши силы.

Теперь, – технический директор  
Сказал, кончая разговор, —  
Арапов Ваш рабочий сектор  
Очертит, сделает обзор

Обязанностей, ждущих Вас.  
Итак, удачи! В добрый час!»  
Арапов выслушал Романа,  
Чай попивая из стакана.

Едва он новость услышал,  
С тревогой в голосе сказал:  
«Что? Тридцать первого выходишь?  
Ты это странным не находишь?» —

«Конечно, Вам и без меня  
Забот предпраздничных хватает:  
Уверен, что повестка дня,  
Небось, банкет в себя включает...

Меня не праздничный аврал —  
Другая беспокоит тема.  
Вадим Иванович сказал:  
С рабочим местом есть проблема...» —

«Но почему он так сказал?  
Какие могут быть накладки?  
Ты даже не переживай:  
С рабочим местом всё в порядке!

Придёшь восьмого января,  
После Рождественских каникул».  
Романа страх совсем покинул:  
Начальник не болтает зря!

«А в чём, позвольте Вас спросить,  
Моя работа состоит?» —  
«Узнаешь, – отрубил Арапов, —  
При прохождении этапов!»

Роман, спокойный, поспешил  
Домой, к прощальному безделью,  
Но прежде всё-таки решил  
Рабочую увидеть келью.

Вид комнаты полупустой  
Слегка Романа озадачил:

Непритязательный, простой...  
Но для него он много значил.

У входа, справа от двери,  
Стоял большой обогреватель,  
А прямо – стол, скоросшиватель,  
Бумаг каких-то стопки три...

То был рабочий беспорядок,  
И можно было без оглядок  
Предположить: хозяин есть,  
Сюда Роман не может сесть.

Левее – столик, а на нём  
Был скромный телефон зелёный.  
Ещё левей сидел знакомый  
Жидков за офисным столом.

Он поздоровался с Романом.  
Компьютер у него стоял  
С поблекшим розовым экраном.  
Он что-то важное писал.

Направо от стола Жидкова  
Другой был стол, компьютер новый,  
Манил с экрана Интернет...  
И здесь Роману места нет.

Четвертый стол в углу виднелся,  
Компьютер и на нём имелся,  
Там, то ли грустен, то ли пьян,  
Седой маячил ветеран.

Сидел он в кресле истуканом,  
Не поздоровался с Романом.  
Он был от жизни отрешён  
И в свои мысли погружён.

## **Глава 2. Земляк**

*А на какого чёрта я ему понадобился?  
М. Булгаков. Собачье сердце*

### **1**

Чудесный праздник Новый год!  
Его с надеждой ожидают,  
Чтоб съесть с икрой бутерброд  
Под ёлкой, где блестят, сверкают

Гирлянды, звёздочки, шары,  
Банты, стеклянные игрушки.  
Как дети, взрослые добры  
В преддверьи доблестной пирушки,

И с нетерпением все ждут  
Закусок из заморских блюд...  
Но чтоб наполнились графины,  
Все наводняют магазины:

Не к месту каши, суп простой,  
Забыты всеми макароны —  
Как прирождённые бароны,  
Сырокопчёной колбасой

Свои корзины набивают,  
Забыв про скупость и бюджет,  
Диету, доктора запрет,  
Деликатесы закупают.

А тридцать первого числа  
У всех домашние дела:  
Все варят, жарят, запекают,  
Потом салаты нарезают...

И вот ответственный момент:  
Страну поздравил Президент!  
Звенит мелодия бокалов...  
Как жизнь скучна без ритуалов!

Кто сильно пьян уже давно,  
Кто постепенно начинает...  
Коньяк, шампанское, вино,  
А кто-то водку уважает...

И все стремятся получить  
Сомнительное наслажденье:  
Всё со стола доесть, допить —  
И заработать несваренье.

А позже оживает двор:  
Там праздничные фейерверки  
Грохочут, будто канонерки,  
И веселят нетрезвый взор.

А кто сидеть остался дома,  
Тот в телевиденьи эксперт.  
Здесь ситуация знакома:  
Всю ночь один сплошной концерт.

2

Но в этом пиршестве Борей,  
Понятно, вёл себя скромней:  
Без денег – скучное веселье...  
Зато отсутствует похмелье.

За скромным праздничным столом  
Роман в волнении особом  
И с нескрываемым теплом —  
С надеждой новой, с Новым годом

Жену поздравил, и Наташе  
Сказал: «Надеюсь, счастье наше  
Вновь оживит притихший дом,  
И мы, как прежде, заживём!»

И вот, отметив Новый год,  
Он стал заглядывать вперёд,  
Свою работу ожидая,  
При том «Профессию» читая

(Борей Христово Рождество  
Воспринимал как баловство:  
Неверующим был Роман,  
И не тянуло его в храм).

«Профессия» ему дала  
Большой толчок для размышлений  
О том, как личные дела  
Поправить и для повышений

Основу прочную создать.  
На то прямые указанья  
Газета не скупилась дать:  
На службе быть без опозданья;

Всегда трудиться лучше всех  
И позже всех идти с работы;  
А для того, чтоб свой успех  
Поднять на новые высоты,

И одеваться нужно стильно.  
Тогда карьера, деньги – всё  
Для соискателя посильно,  
Волна удач его несёт.

3

Когда ж восьмого января

К восьми пришёл он на работу,  
То понял: он лелеял зря  
Надежду, что о нём заботу

Арапов вовремя проявит  
И стол рабочий предоставит.  
Прелюбопытнейший момент:  
Стола как не было, так нет!

Рабочий стол напротив входа  
Был занят – там Савчук сидел  
И массой неотложных дел  
Знаменовал начало года.

Был за своим столом Жидков,  
Над документами склонился,  
И монитор уже светился —  
Жидков к работе был готов.

На двух оставшихся столах  
Пока царил дух запустенья:  
Нет жизни в ворохах бумаг,  
У мониторов нет свеченья.

В углу, в соседстве с Савчуком  
(Борей заметил) появился  
Убогий столик, и на нём  
Едва компьютер поместился.

А через несколько минут  
За этот стол Савчук уселся  
И стал печатать... Нет, и тут  
Не сесть Роману! Он разделся

И попытался объяснить  
Причину странного явления,  
Чтобы понять и извинить  
Творцов смешного положенья:

«Я на работу приглашён —  
Выходит, здесь я очень нужен!  
Но нет стола – и я смешон...  
Как импотент... Я безоружен...»

А вдруг никто не виноват?  
Виной – серьёзная причина...  
Всё образуется! Я рад,  
Что так смешна моя кручина».

Роман взглянул: куда присесть?  
Потом увидел – стул свободный  
В двух метрах от Жидкова есть —  
И сел, подмяв костюмчик модный.

#### 4

Вошёл Арапов: «Как дела?» —  
«Да вот – не много и не мало —  
Жду появления стола...» —  
«Вот и отлично! Для начала

Ты хоть бы ГОСТы изучил,  
Чтоб не было тебе так скучно!»  
Жидков немедленно вскочил,  
Открыв соседний шкаф беззвучно,

Он папку с ГОСТами достал,  
Роману дал, и тот, зевая,  
Весь день ту папку изучал,  
На стуле хмуро восседая.

Арапов молча приходил,  
Окидывал всех строгим взором,  
Граничащим с немым укором,  
И тут же быстро уходил.

Савчук печатал и молчал,  
О чем-то горестно вздыхая,  
Жидков усиленно писал,  
И тоже рта не открывая.

Семь дней не виделись они,  
Но их не интересовало,  
Чем занимались эти дни...  
Как Новый год... Футбол... Да мало ль!

#### 5

Второй рабочий день настал,  
Но ничего не изменилось.  
Когда Роман сидеть устал,  
То постепенно появилось

Желание про всех узнать,  
Слегка разведать обстановку,  
И начал он, сначала робко,  
Свои вопросы задавать.

Жидков охотно отозвался  
На просьбу совершить обзор,

И постепенно завязался  
Меж ними тихий разговор.

«Так вот: основа всех основ  
Есть подготовка производства, —  
Неспешно говорил Жидков. —  
И вот по воле руководства

Такая группа создана,  
В которую мы с Вами входим,  
Ещё Савчук, и нам дана  
Большая власть на всём заводе,

Чтобы порядок навести.  
И ГПП<sup>33</sup> — так сокращённо  
Придумали нас окрестить —  
Должна работать напряжённо».

Жидков был вынужден прерваться,  
Поскольку появился гость —  
Красивый парень, с ним встречаться  
Роману раньше не пришлось.

Он за одним из двух столов  
Уверенно расположился,  
Включил компьютер и без слов  
Спустя минуту удалился.

«Кто этот парень?» — «Боровик  
Геннадий Юльевич, он вроде,  
Как говорил мне кадровик,  
Научный консультант в заводе». —

«А кто за тем столом сидит? —  
Спросил Роман про стол четвёртый. —  
Мужчина, пожилой на вид...  
Он, видно, жизнью сильно тёртый...» —

«Евстрат Сергеевич Онучин.  
А вот какой ему поручен  
Объём работ — я не пойму,  
Не знаю также, почему

Он здесь сидит!» — Жидков ответил.  
Роман немедленно отметил,  
Что тот был на соседа зол.  
«Но почему он не пришёл?» —

«А он на родину уехал». —

«А где же родина?» – «В Керчи».  
Роман не выдержал, вскочил:  
Земляк нашёлся, вот потеха!

«Ты говоришь, он из Керчи?  
Ты не шутил? Нет, ты нарочно!» —  
«Да успокойся, не кричи!  
Он из Керчи, я знаю точно.

Он украинский гражданин,  
Имеет паспорт украинский». —  
«Но мы живём в стране российской!» —  
«Ну, видно, не было причин

Менять гражданство... Но скажи,  
Тебя что в этом удивляет?» —  
«Да я ведь тоже из Керчи!»  
О, это многое меняет!

Не ожидал Роман никак,  
Что ветеран – его земляк...  
Но есть ли польза в человеке,  
Что сам нуждается в опеке?

Как жаль, что он из стариков, —  
Те не живут, а доживают...  
Но что поделать: земляков,  
Как и родню, не выбирают!

Он сел на свой рабочий стул,  
И вдруг, листая документы,  
Совсем по-новому взглянул  
На любопытные моменты.

С Романом это в первый раз:  
Хоть на работу пригласили,  
Но стол рабочий дать забыли —  
Как будто взяли про запас.

А вдруг Арапов напрямик  
Заявит: «Нам такая должность  
Без надобности!» Рома сник,  
Им овладела безысходность...

## 6

«Сидите, кляті москалі? —  
Услышал голос он вдали,  
Потом – шаги по коридору,  
И в их унылую контору

Стремительно вошёл земляк,  
Неся увесистый рюкзак. —  
Ну как, у вас тут всё спокойно?  
Себя ведёте вы пристойно?»

Приехавший издалека,  
Он задавал свои вопросы  
И доставал из рюкзака  
Бумаги, книги, папиросы.

Савчук с Жидковым изменились:  
Заговорили, оживились,  
Из их раскованных речей  
Явилась масса новостей.

Потом Онучин рассказал,  
Как съездил, где он побывал,  
Как встретил он начало года,  
Какая там, в Керчи, погода.

Затем последовали шутки,  
Раздался громкий дружный смех,  
И люди, что молчали сутки,  
Как будто совершили грех, —

Мгновенно стали веселей.  
И стоило им оживиться —  
Зажглись глаза, открылись лица,  
И стало в комнате светлей.

«Уж если есть такое диво —  
Душа и совесть коллектива,  
Так это он как раз и есть.  
Хвала Онучину и честь! —

Подумал радостно Роман. —  
А внешность – попросту обман!  
Хоть пять минут его я знаю —  
По-новому воспринимаю».

«А для тебя сюрприз готов!» —  
Сказал Онучину Жидков.  
«Что за сюрприз?» – спросил тревожно  
Евстрат Онучин, осторожно

К ним подошёл. «Роман Борей!  
Он тоже Керченских кровей, —  
Сказал Жидков. – Ты удивился,

Что твой земляк здесь объявился?»

Как вкопанный, остановился  
Евстрат, и рот его открылся!  
Белёсий удивлённый взор  
Боря изучал в упор.

«Вот уж никак не ожидал!» —  
Промолвил наконец Онучин,  
Роману долго руку жал  
И с земляком был неразлучен,

Беседуя о самом близком:  
О городе, таком родном,  
О жизни в климате Балтийском.  
«А в Питере ты как давно?» —

Спросил Евстрат. «В семьдесят пятом,  
Когда не все ругались матом  
И жили, Партию любя,  
Не отпускаящую руля,  
А доллар был слабей рубля.

В краю, культурою богатым,  
Прошёл я конкурс в институт —  
И словно в царстве тридевятиом  
Себя почувствовал я тут.

Потом работал на заводе...  
Стремился получить чины...  
Потом при всём честном народе  
Я наблюдал развал страны...

И вот я очутился здесь...  
Ну, а в Керчи сестра родная  
С двумя племянницами есть,  
Кузин и тёток не считая».

Роман умерил слов поток,  
Родством с Евстратом увлекаться  
Не стал: тому начнёт казаться,  
Что без него Роман – никто.

«А как тебе на месте новом?» —  
Спросил Онучин земляка.  
«Да вот – сажу на стуле... Словом,  
Я стол не получил пока...»

Евстрат нахмурился: «Негоже!

Сейчас к Петровичу пойду,  
С ним потолкую, как мы можем  
Преодолеть твою беду».

И он ушёл. Минут пятнадцать  
Отсутствовал, потом пришёл,  
Сказал: «Я стол тебе нашёл!» —  
И начал переодеваться

В халат, висевший на крючке.  
Роман вскочил, за ними следом  
Жидков, покончивший с обедом,  
Направился, и в закутке,

В каком-то пыльном коридоре  
Нашёлся очень старый стол,  
И он Роману подошёл.  
Жидков ему помог – и вскоре

Стол был поставлен у окна.  
Роман теперь – величина!  
Как подобает инженеру,  
Он для работы атмосферу

Мгновенно создал, сев за стол.  
Потом к Евстрату подошёл:  
«Теперь готов начать работу.  
Тебе спасибо за заботу!» —

«Да разве ж можно земляку —  
Да не помочь? – сказал Онучин. —  
А ты компьютеру обучен?» —  
«На нём работать я могу». —

«Ну что же, мне тогда придётся  
Просить компьютер для тебя, —  
Сказал Евстрат. – Глядишь, найдётся...» —  
Добавил, как бы про себя.

### **Глава 3. Евстрат Онучин**

*Да умный человек не может быть не плутом.  
А. Грибоедов. Горе от ума*

#### **1**

Онучин часто выходил  
И возле лестницы курил,  
И нёс сквозняк из коридора  
Тяжёлый запах «Беломора».

Курил он сладостно, взасос,  
А если кашлял, то до слёз,  
Порой едва не задыхался,  
Как только кашель начинался.

Помочь желая земляку,  
Роман заметил осторожно:  
«Бросай ты эту чепуху!  
Так потерять здоровье можно». —

«Ты думаешь?» – спросил Евстрат.  
«Конечно, в этом я уверен!» —  
«Да я и сам уже не рад,  
Давно бросать курить намерен».

Роман был рад от осознания,  
Что он благое начинанье  
От всей души осуществил:  
Евстрат почти что братом был —

Ведь их теперь соединяло  
То, что их жизнь брала начало  
Там, под горою Митридат<sup>4</sup>,  
Где камни древние лежат,

Где солнце яркое сияет  
И море нежно глаз ласкает,  
Стоят большие корабли  
У входа в Керченский пролив,

Шипит и пенится волна,  
О скалы шумно разбиваясь,  
И манит моря глубина,  
С просторами небес сливаясь.

Немного дней прошло с тех пор,  
Как направлял Евстрат свой взор  
На море, улицы родные,  
На линии береговые,

Он для Романа сразу стал  
Частицей неба голубого,  
Частицей моря, серых скал  
И улиц города родного.

Статью Роману показал  
В какой-то Питерской газете,  
В которой он обосновал

Заботу о приоритете

Строительства того моста,  
Что, отвечая нуждам давним,  
Соединит Керчь и места,  
Которые зовут Таманью<sup>5</sup>.

Мост через Керченский пролив  
Правительствами обсуждался,  
Хоть тон речей и был хвастлив,  
Но в лидеры никто не рвался.

**2**

Евстрат владел прекрасно речью,  
Он знал натуру человечью,  
Его могучий интеллект  
В любом рождал к нему respect<sup>6</sup>.

Он был начитанней Романа  
И глубже знал любой предмет,  
Всегда на всё готов ответ  
От философии гурмана.

Он всё на свете подвергал  
Ума строжайшей экспертизе:  
«Я философствующий физик! —  
Так сам себя он называл. —

Вникал в природу полимеров  
Я на физфаке ЛГУ<sup>7</sup>,  
Вселенную других размеров  
Теперь освоить я могу.

Я не сторонник спецнауки.  
Науку может развивать  
(Конечно же, не ради скуки)  
Любой, способный размышлять.

Страдает общество теперь  
От маргинальной субкультуры,  
Избавить надо от потерь  
Все наши сферы и структуры.

Интенции<sup>8</sup> эгоцентризма<sup>9</sup>,  
Войдя с наукой в диссонанс<sup>10</sup>,  
Стоят на грани популизма<sup>11</sup> 11...  
Козволюция<sup>12</sup> 12 – вот шанс!

Хаос – основа мироздания  
И сущность мировой души,  
Ради порядка воссоздания  
Он наивысший суд вершит». —

«Но человек – венец природы! —  
Роман пытался возражать. —  
К порядку тянутся народы,  
Его опасно нарушать!» —

«Пределов нет у этой темы...  
Хоть человек и «царь зверей»,  
Он – порождение системы,  
Конечной в сущности своей,

И не способен априори<sup>13</sup>  
Он бесконечное понять —  
Мир вынужден, при умном взоре,  
«В каком-то смысле» познавать.

Хоть претерпели измененья  
В последние полсотни лет  
Все парадигмы<sup>14</sup> управления —  
Но им пока замены нет.

В лабораториях пылится  
Коллегиальных<sup>15</sup> форм проект,  
И всё никак не состоится  
Синергетический<sup>16</sup> эффект.

Мы очень сильно одичали,  
Как только рынок наступил —  
Мир злобы, зависти и грязи  
С вкраплениями доброты.

Сознанье людям затмевают  
Какой-то тайною игрой,  
И симулякры<sup>17</sup> в ней играют,  
Пожалуй, основную роль.

Был создан миф «демократизма» —  
Все к демократии рвались,  
Забыв про зов социализма...  
От краха не убереглись.

Как денежки ни экономьте,  
Все мифы прежние затмив,  
Уже возник на горизонте

«Свободы рынка» новый миф.

Кровь свежую вливает донор,  
Америка, – «бесценный дар»,  
Ничем не истребимый доллар,  
Великий суперсимулякр.

Устали от монетаризма<sup>18</sup> 18?  
Так получите миф иной —  
«Борьбы с угрозой терроризма»!  
Запахло здесь уже войной...

Оправдано пред целым светом  
Стремленье граждан защитить...  
Вот только надо ли при этом  
Чужие города бомбить?

Демократично ли лишать  
Людей зарплаты по затратам,  
При том цинично повышать  
Оклады разным депутатам?

Неужто всё, что дал прогресс, —  
Зомбировать<sup>19</sup> 19 людей рекламой,  
Питанием в кафе-экспресс  
И низкопробной мелодрамой?

А не цинично ль в новостях  
Показывать людское горе,  
Детей запутывать в сетях  
У пропаганды алкоголя?

А главам «суверенных» стран  
Зарплату получать из фондов  
Богатых государств, и срам  
Скрывать от собственных народов?

Такой порядок наравне  
Со скрытой формой дикарства,  
И управляются извне  
Такие квазигосударства<sup>20</sup> 20. —

«Крах неизбежен...» – «Не беда,  
За всё заплатят их народы:  
С марионетками всегда  
Бесцеремонны кукловоды...

Считать нормальным кровь рекой,

А сокрушаться лишь для вида?  
И в психологии такой  
Не видеть признак суицида<sup>21</sup>21?

Культуру можно расценить  
Как средство выживания наций.  
Но как культуру заслонить  
От негативных aberrаций<sup>22</sup>22?

Всё чаще стали возникать  
Диссипативные<sup>23</sup>23 структуры,  
Основы древние культуры  
Собой пытаясь заменять». —

«Культура нынче не в фаворе.  
Интеллигентам – просто горе:  
Всяк заменить сегодня рад  
Высокий слог на грязный мат.

К чему тогда труды, старанье  
И дел великих начинанье,  
Когда, по трезвому уму,  
До них нет дела никому?» —

«Культура внешне вроде та же...  
Но к ней почтения больше нет,  
И все стремятся в Эрмитаже  
Устроить свадьбу или банкет.

В музее образцов искусства,  
Поддавшись магии денег,  
Его хранители спешат  
Устроить оргию распутства.

И к Пушкину любовь у вас  
Так далеко не заходила:  
Охотников полно сейчас  
В Михайловском<sup>24</sup>24 построить виллу...»

Роман в Михайловском бывал —  
И сразу, с воодушевленьем,  
Коль всё воочию видал,  
Он поделился впечатленьем:

«Признаться, в неудачный час  
Я посетил холмы святые:  
Над местом, где летал Пегас<sup>25</sup>25,  
Нависли облака густые.

Дождь землю насквозь пропитал,  
И комары гудят над ухом...  
Поэтом я, увы, не стал...  
Зато проникся русским духом!» —

«Есть люди из другого мира,  
Где ценят Пушкина, Шекспира...  
Но племя то обречено  
На вымирание давно.

Обратных связей больше нет,  
Никто тревожные сигналы  
Не хочет видеть, и в ответ  
Мир заполняют маргиналы...»

### 3

Роман впервые услышал  
Тот термин: «Маргинал<sup>26</sup>26? Кто это?» —  
«Тот, кто от вызовов сбежал,  
Не получив на них ответа;

От артефактов<sup>27</sup>27 и угроз  
Психического несваренья,  
Что социум<sup>28</sup>28 нам преподнёс,  
Ушёл на край мировоззренья;

Покинув социум большой,  
Освоил он периферию,  
Покрылся грязью и паршой,  
Призвал на помощь истерию.

Что «социальный» человек  
Воспринимает оптимально,  
То маргинал, больной навек,  
Поймёт сугубо экстремально.

Типичный псевдопрагматизм<sup>29</sup>29  
Тем маргинала отличает,  
Что неуместный драматизм  
По мелочам он источает:

То ли в протянутый стакан  
Ему портвейна недолили,  
То зажигалку, словно грант<sup>30</sup>30,  
Между собой не поделили.

Но мне обиднее всего,

Что он уже проявлен в знаниях, —  
Видны последствия его  
В псевдонаучных изысканьях:

Заманчиво, как никогда,  
Все западные парадигмы,  
Не тратя лишнего труда,  
Перенести на наши нивы...

Неврозом<sup>31</sup>31 болен человек,  
И под влиянием фрустраций<sup>32</sup>32  
Число психических калек  
Растёт... То бедствие всех наций.

Невроз страшнее всех зараз...  
А выход есть на самом деле:  
Вполне сознательный отказ  
От всех фрустрирующих целей». —

«Но как тех целей избежать?  
Само название пугает...» —  
«Свою духовность повышать,  
Она людей оберегает.

Не всякий к этому готов:  
Уже помрачено сознание,  
Ведь жизнь страшнее сладких снов —  
И получают «выгорание».

То профессиональный стресс,  
Крепчая после каждой встряски,  
Снижает к жизни интерес,  
Доводит дело до развязки.

Эмоций позитивных нет,  
Все адаптации пределы  
Превышены на много лет...  
И человек бежит от дела...

Не в силах веровать в успех  
Философы постмодернизма<sup>33</sup>33:  
«Реальность спрятана от всех!» —  
Звучит на грани вандализма...

Но если средств доступных нет  
К ней прикоснуться напрямую  
И точный получить ответ...  
То истины не существует.

Ведь пленниками языка  
Являемся мы изначально,  
И мысль уродуют слова,  
Не отразившие реальность.

Жаль тех, кто создавать привык  
Реальность языка посредством...  
Но тот, кто создаёт язык,  
Стать может Истины «полпредом».

Наш старый добрый гуманизм  
Наскучил профессионалам,  
И стал мультикультурализм<sup>34</sup>  
Бессилен перед криминалом...» —

«Так что же, мир наш обречён?  
Не будет прорывных открытий?» —  
Борей был очень огорчён  
Таким развитием событий.

«Какой, скажи, в науке прок,  
Что ничего не объясняет?  
И зло есть большее добро,  
Ведь боль сознание обостряет.

Чтоб изменить явлений суть,  
Сменить придётся и «валюту»:  
Духовность, нравственность – вот путь,  
Что нас приблизит к Абсолюту.

Свобода личности сейчас,  
Как и самоопределение,  
Имеют именно для нас  
Первостепенное значение.

Нас учит мудрый Эпиктет<sup>35</sup>  
Что над людской свободой воли  
Чужой законной власти нет —  
Свободны мы, как ветер в поле.

Здесь поразительный пример  
России общество являет,  
И территории размер  
На идентичность не влияет —

Она утрачена совсем.  
Культурная же идентичность  
Извне навязываться всем

Не может – пострадает личность...» —

«Жива Россия – видно всем,  
Видать, крепка её порода...» —  
«Да, у России нет проблем,  
Проблемы – у её народа...» —

«Онегиных у нас немало,  
Без счёта хамов и невежд...» —  
«И из-за них Россия стала  
Страной несбывшихся надежд.

Не в моде нынче гениальность,  
Она покинула страну,  
В фаворе серость и банальность,  
И все у алчности в плену...»

И вдруг улыбка, словно взятка  
За то, что губы изрекут:  
«России не видать порядка,  
Пока в ней русские живут...» —

«Всем нам даются испытанья,  
Чтоб каждый мощь свою узнал,  
Так и России процветанье —  
Всех наших трудностей финал...» —

«В двадцатом веке – смена моды,  
И стало главным для неё  
Не достижение свободы —  
Способность вынести её». —

«Свободы много не бывает...» —  
«Когда Ответственность жива...  
Но эта сущность вымирает —  
И образуется провал...»

Границы личности размыты,  
И недоступен здравый толк,  
Преобладают аппетиты,  
Которыми страдает волк.

Переживание свободы  
Чревато бегством от неё:  
То порождает антиподы,  
То искажение своё;

То в невменяемость уходит,  
Прямой рождая произвол;

Насилие в привычку вводит,  
А это худшее из зол.

Способность вынести свободу  
Имеет и другой эффект:  
Открыть гармонию народу,  
Дать счастье на десятки лет». —

«Да, человек живёт идеей,  
Является её рабом...» —  
«Нет, нами бытие владеет,  
Идеи – лишь одна из форм.

Те ценности, что были вечны, —  
Знаний накопленный багаж,  
Богатый логикой ум наш —  
В сути своей бесчеловечны.

Они на откуп отданы  
Компьютерам, внутри железным,  
Став средством техно-новизны,  
Даже для бездарей полезным.

Теряется ориентир,  
И умный человек порою  
Воспринимает телом мир,  
А не открытою душою.

И современный человек,  
Чтобы техническим придатком  
Не стать в безумный этот век,  
Вернуться должен к тем задаткам,

Что «космосом» даны ему —  
Не к «сумме знаний и умений»  
И не к холодному уму —  
К пути духовных откровений.

Ответственность, что он постиг,  
Преодолев судьбы невзгоды  
И став свободным хоть на миг —  
Вот этика такой свободы». —

«Ответственность? Но перед кем?» —  
«Свобода в душах обитает,  
Нельзя внедрить свободу тем,  
Кто своей волей обладает.

Ответственность за целый мир

С рожденья каждый обретает,  
Сей нравственный ориентир  
Свободы правом наделяет.

У новоявленных элит,  
Присвоивших себе богатства,  
Душа о людях не болит,  
И чужды им идеи братства.

Чуть речь о совести зайдёт —  
Мы все немного иностранцы,  
Нас тут же Куршевель<sup>36</sup> зовёт,  
Наш идеал – американцы».

Борей Онучину внимал,  
Желая знать устройство мира,  
Хоть не всегда всё понимал,  
В речах мудрейшего кумира.

#### **Глава 4. Странная компания**

*Начинается, – вздохнула девочка.  
Г. Щербакова. Мальчик и девочка*

**1**  
Арапов никаких заданий  
Пока Роману не давал,  
И он свой стол, предел мечтаний,  
Любовно глядя, обживал.

К тому же время оставалось,  
Чтоб смог вниманье обратить  
На то, что в комнате собралась  
Довольно странная на вид

Компания из перезрелых  
И замкнутых в себе мужчин.  
И только Боровик один  
В своих костюмах модных, смелых

У многих зависть вызывал  
Тем, что на месте не бывал.  
А остальные же без меры,  
Уподобясь гребцам галеры,

Прикованным к своим местам,  
Привыкшим к розгам и бичам,  
Весь день безропотно сидели  
И над бумагами корпели.

2

Прошла неделя ожиданья,  
Спокойствия и тишины,  
Роману первые заданья  
Внезапно были вручены:

Инструкцию по технадзору  
И должностную вместе с ней  
Он должен был представить взору  
Арапова за десять дней.

Библиотеку посетив  
И досконально расспросив  
Библиотекарш, столь любезных,  
Набрав десяток книг полезных,

Он ими стол заполонил.  
Забыв о скуке и зевоте,  
Роман немедленно ожил:  
Теперь он, как и все, в работе!

Он никогда не сочинял  
Инструкций – сразу испугался...  
Потом себя он в руки взял,  
Подумал – и процесс начался.

Он справедливо рассудил:  
Ошибка – это не опасно,  
Тот, кто ошибку совершил, —  
Работал, что уже прекрасно.

Гораздо хуже, если страх  
Перед возможною ошибкой  
Весь труд его повергнет в прах,  
И он увязнет в почве зыбкой.

Арапов так и не сказал,  
Чем он обязан заниматься.  
Роман, подумав, записал  
Всё, с чем ему пришлось встречаться,

Когда он много лет назад  
Пришёл в отдел инструментальный  
И десять лет посильный вклад  
Вносил в процесс индустриальный.

Когда его неспешный труд  
Был завершён вполне удачно,

Роман инструкции на суд  
Арапову принёс. Тот мрачно

Промолвил, глаз не поднимая,  
Как англичанин, «р» глотая:  
«Не стану это я смотреть!  
Все документы нужно впредь

Предоставлять в печатном виде! —  
Арапов словно был в обиде,  
Громя Борея в пух и прах:  
– На чистых офисных листах!»

Роман, собрав плоды возврата,  
Пошёл инструкции печатать.  
Жидкову, за Романом вслед,  
Арапов тот же дал ответ.

### 3

Затем Арапов поручил  
Создать несложную таблицу,  
В которую должны сводиться  
Все средства, что завод вложил

В изготовление оснастки  
И инструмента на участке  
«Zero»<sup>37</sup>37. Роман открыл Excel...  
И натурально «сел на мель»!

Таблицу строя, убедился:  
Все знанья, коими гордился,  
И все надежды на успех  
Способны вызвать горький смех.

Он очень медленно трудился,  
Арапов за спиной бранился:  
«Ты долго возишься, быстрее!» —  
Его слова больней бичей

По самолюбию хлестали,  
Потом совсем врасплох застали,  
Став настоящею бедой:  
«И диаграмму мне построй!»

Почувствовав внезапный страх  
И от стыда, как рак, краснея,  
Роман признал свой полный крах:  
«Я... диаграммы... не умею...» —

«Раз так – за помощью сходи  
В Коммерческое Управление», —  
Сказал Арапов в заключение.  
Роман пошёл с тоской в груди,

И симпатичная Татьяна  
Всего за несколько минут  
Спасла от скверного изъяна  
Его многострадальный труд.

«А это что у Вас такое?» —  
Арапов вдруг его спросил,  
Когда Роман, уже без сил,  
Мечтая только о покое

От диаграмм, принёс листок.  
«Здесь диаграммы... Вы просили...» —  
«Ты сделал сам?» – «Я сам не смог...  
С Татьяной вместе мы творили...»

Арапов снова посмотрел:  
«Не-е-т! В этом виде не годится!  
Тут вместе всё, а я б хотел,  
Чтоб было порознь – как в таблице!» —

«Гордей Петрович!» – взвыл Роман:  
Теперь Заводоуправление  
Своё составит заключение,  
Что он – законченный болван!

Но босс твердил: «Быстрее, быстрее!» —  
Его рука уже мелькала,  
Как будто мусор из дверей  
Нетерпеливо выметала.

Роман призвал свою смиренность,  
Чтоб снова к Тане подойти,  
Просить помочь (и по пути  
Всем показать свою никчемность).

Романа это положение  
Никак устроить не могло:  
Он срочно начал обучение,  
И время быстро потекло.

Купив, принёс он на работу  
Учебники по Word, Excel,  
Забыл привычную дремоту,  
Чтобы поставленную цель —

После работы оставаться,  
Компьютер лучше изучить,  
Своим стараньем выделяться —  
Начальник смог бы оценить.

#### 4

Арапов чем-то отдалённо  
Напоминал определённо  
Сударушкина. Много лет  
Живой, общительный брюнет

Довольно бурно верховодил  
Всем инструментом на заводе,  
А заместитель был Роман.  
Сударушкин был атаман

И в развлечениях отдела:  
Спирт на заводе доставал  
И подчинённых угощал,  
Всегда уверенный, что дело

Никак не может пострадать,  
Ведь спирт – лекарство от волнений  
И (надо должное отдать)  
Источник радостных мгновений.

Сам безнадёжно в лес влюблённый,  
Организатор беспокойный  
И подчинённых звал с собой  
Из города в поход грибной.

По пятницам был арендован  
Автобус для поездки в ночь,  
Его знакомыми он полон,  
И выпить все они не прочь.

Едва автобус покидал  
Пределы города родного,  
Он каждому стакан совал:  
«Пусть будет скатертью дорога!»

Венцом поездки был пикник.  
Мгновенье – и костёр возник,  
На скатерть – выпивка, закуска  
(Источник счастья в сердце русском)...

Арапов так напоминал  
Активностью и внешним сходством

Сударушкина руководство...  
Роман невольно ожидал,

Чтоб, как Сударушкин, Арапов,  
Блюдя привычный ритуал,  
По-дружески, без обиняков,  
Ему когда-нибудь сказал:

«Найди закуску, сделай милость —  
Достал я спирта невзначай,  
И завари покрепче чай!»  
И всё тогда бы изменилось...

## 5

В один из мрачных зимних дней  
Роман немного задержался,  
Взяв книгу и склонясь над ней,  
В Excel усердно упражнялся.

Как вдруг Арапов появился,  
К Евстрату присоединился,  
С ним разговор о чём-то вёл,  
Потом к Роману подошёл,

Над ним склонился, а затем  
Промолвил: «Это всё понятно...  
Но чтобы не было проблем,  
Читать бы надо... аккуратно!»

Роман был очень удивлён:  
«Но это же самоучитель!»  
Кто лучше знает, как не он,  
Основ профессии блюститель,

Как много искренних страданий  
Пришлось Роману пережить  
При выполнении заданий!  
Чтоб все проблемы разрешить,

Есть средство (и Арапов знает!) —  
Программы надо изучить.  
Но от него в ответ звучит:  
«А это роли не играет!»

Сказав, Арапов возвратился  
К Евстрату, после – удалился.  
Роман, вздохнув, домой пошёл.  
Он на Арапова был зол.

На улице он встречен был  
Враждебно: устали не зная,  
Там ураганный ветер выл,  
Лицо морозом обжигая.

Завод являл собой пустырь,  
Где по краям цеха стояли  
Стеной, они предоставляли  
Свободу ветру вглубь и вширь,

И он, препятствий не встречая,  
Макушки голые берёз  
С остервенением качая,  
Романа доводил до слёз.

## 6

Спустя два дня, ближе к обеду,  
Арапов девушку привёл,  
К Роману с нею подошёл  
И начал странную беседу:

«Вы можете сейчас сказать, —  
Спросил он строго, нарочито, —  
Число прутков из «победита»<sup>38</sup>38,  
Что Лене надо заказать?» —

«Прутков?» – «Ну да, из них потом  
Мы в цехе изготовим фрезы —  
Ты с этим должен быть знаком!»  
Те краткосрочные ликбезы,

Что смог уже Роман пройти,  
На стуле время коротая,  
Не помогли ответ найти,  
И он признался: «Я не знаю!» —

«А как же нам теперь узнать, —  
Спросил Арапов, хмурия брови  
Сурово, – сколько заказать  
Прутков, чтоб фрезы изготовить?» —

«Я в цех могу сейчас сходить  
И эту цифру уточнить...» —  
С готовностью Роман ответил.  
Его ответ внезапно встретил

Арапова прямой укор:  
«Конечно! В рвении неприкрытом  
Ты будешь землю рыть копытом

Или скакать во весь опор!

Не надо никуда ходить!» —  
И он, направившись к Евстрату,  
Как подобает автократу<sup>39</sup>39,  
Порядок начал наводить:

«Сергеич! Этот документ  
Мне нужен завтра утром, срочно!» —  
Чеканил он слова нарочно,  
Чтоб воспитательный момент

Не обошёл вниманья Лены,  
И, как актёр, закончив акт,  
Увлёк её с собой со сцены.  
Роман расслабился: антракт!

Он тут же принялся гадать:  
«Начальник мною недоволен,  
В его глазах я своеволен,  
Со мной уже не совладать,

Моя активность запредельна...  
Но в чём я перешёл предел?  
Я за столом сижу бесцельно,  
А перечень активных дел

Лишь две инструкции включает...  
Что ж, если это так пугает,  
Активность надо усмирить —  
Начальство лучше не гневить!»

## 7

И вот он, наконец, обед!  
Начальник вновь их посещает,  
Весь благодушием сияет,  
К себе для кофе и бесед

Онучина он приглашает:  
Арапов просто обожает  
С Евстратом и Боровиком  
В обед взбодриться кофейком.

Роман о посиделках знал  
И втайне искренне мечтал,  
Забываясь о своем престиже,  
К начальству быть как можно ближе.

Веками так заведено:

В бою солдаты погибают,  
А генералы пьют вино  
И в бане «девочек» купают...

Ему хотелось, чтоб Евстрат,  
Как земляка, его пристроил —  
Пить кофе чести удостоил:  
Землячество – надёжный блат!

Увы, всерьёз на возвышенье  
Роман не мог претендовать:  
Евстрат к нему стал остывать,  
Не развивал их отношенья

И сам с начальством кофе пил...  
Всегда... Но только не сегодня...  
Когда Арапов благосклонно  
Его на кофе пригласил, —

«Сейчас приду», – ответил тихо  
Евстрат, а сам продолжил лихо  
Печатать срочный документ.  
Роман смекнул: «О! Инцидент!»

Потом Арапов позвонил  
Онучину из кабинета,  
Его на кофе пригласил  
Опять, Онучин и на это

Ответил, что сейчас придёт,  
Но поступил наоборот.  
Его Арапов не дождался,  
На пару кофе наслаждался

С Боровиком. Онучин звучно  
Весь день по клавишам стучал.  
«Не всё у них благополучно!  
Мой землячок забастовал, —

Роман отметил с облегченьем,  
Следя за этим развлеченьем. —  
Накличет он себе беду —  
Ему на смену я приду!»

## 8

Ещё неделя пролетела,  
Арапов в пятницу позвал  
И поручил такое дело:  
Чтобы Роман опять создал

Таблицу с данными расхода  
По инструменту за три года.  
«Но у меня тех данных нет!» —  
«Конечно, – прозвучал ответ. —

Матвей Давидович всё знает,  
Шумахер – тот, что закупает  
Весь инструмент, и он сидит  
Здесь, по соседству. Всё, иди!»

В Бюро закупки инструмента  
Увидел он интеллигента.  
Тот недовольно посмотрел,  
Оторванный от важных дел.

С ним вместе в комнате сидела  
И над бумагами корпела,  
Которыми весь кабинет  
Завален так, что места нет,

Помощница, на вид – простая,  
На возраст – полупожилая,  
С улыбкой вечной на устах  
И полнотой во всех местах.

Роман, смущённо заикаясь  
И бесконечно извиняясь,  
Цель посещения изложил —  
И вскоре цифры получил.

При виде занятых людей  
Романом овладела зависть:  
Они при деле, в них нуждались,  
И только он, Роман Борей,

Был никому пока не нужен.  
Им позабыто слово «лень»,  
Но выпадает редкий день,  
Когда работой он загружен.

Роман трудился над заданьем  
Весь день и перед окончанием  
Свой труд победно завершил,  
Арапову его вручил.

Путь пятидневный мирно пройден —  
Конец недели, он свободен!  
Хоть он не так активен был,

Но отдых всё же заслужил.

Начав в дорогу собираться,  
Он, прежде чем домой податься  
(А дом его – не ближний свет),  
Зашёл сначала в туалет.

Вдруг слышит он: по коридору  
К их двери кто-то пробежал.  
Роман, уютную камору  
Покинув, вышел и предстал

Перед Араповым. Тот злобно  
Бесформенный свой рот кривил  
И низким голосом, утробно,  
Слова чеканя, говорил:

«Ты мне испортил настроенье,  
Так получай вознагражденье:  
Я за ошибку не спущу —  
Ущерб сторицей возмещу!

Свой ляпсус тотчас же исправить!  
Я должен данные представить  
Гудкову через полчаса».  
Роман вздохнул: «О, небеса!»

Что ж, праздника – как не бывало!  
Ошибка – сущий пустячок,  
Но раз начальство приказало,  
То документ исправить в срок

Роман обязан. Он вздохнул  
(Уже в который раз сегодня),  
За стол присел, в окно взглянул:  
По улице легко, свободно,

Рот прикрывая от зевоты,  
С лицом, далёким от работы  
И излучающим покой,  
Арапов бодро шёл домой.

## **Глава 5. Картуз**

*Лука Лукич. Я, признаюсь, так воспитан,  
что заговори со мною одним чином  
кто-нибудь повыше, у меня просто и души  
нет, и язык, как в грязь, завязнул.*

*Н. Гоголь. Ревизор*

1

Скучая более недели,  
Роман был вызван в кабинет  
Для обретенья новой цели:  
Чтобы поднять авторитет,

Он должен посетить участок  
По производству точных фрез,  
Восполнить знаний недостаток.  
Испытывая лёгкий стресс,

Он всё же ликовал: ура!  
Уже давно, давно пора  
Ему прибрать к рукам участки  
Для инструмента и оснастки,

Обследовать все кладовые,  
Склады, с людьми поговорить,  
Процесса точки болевые  
С их помощью определить.

Так было на другом заводе,  
Где он с размахом дело вёл...  
Откуда он давно ушёл...  
Как он жалел о том исходе,

Когда десяток лет назад  
Разрушил он свой быт спокойный!  
Он ненавидел свой азарт  
И тот поступок недостойный...

2

Роман без помощи нашёл  
Участок нужный и вошёл.  
Три импортных станка новейших  
Он увидел. Программ сложнейших

Команды каждый получал,  
Им следуя, вращал, менял  
Кругов шлифовочных алмазных  
И механизмов безотказных

Углы наклона, ход, подачу,  
Чтоб точно выполнить задачу  
И фрезы изготовить в срок.  
Да, здесь был качества исток.

Один станок был остановлен.

Сосредоточен и безмолвен,  
Его обслуживал один  
Седой плешивый господин.

Ещё двоих, на вид – рабочих,  
Роман увидел среди прочих  
Станков. Он сделал шаг вперёд...  
Вдруг господин как заорёт:

«Ты кто такой? Тебе что надо?  
Ты как войти сюда посмел?» —  
И под его суровым взглядом  
Роман мгновенно оробел:

«Меня Арапов к Вам послал, —  
Он на начальника сослался,  
Чтоб погасить страстей накал,  
Потом уже и сам назвался:

– Я инженер по технадзору...» —  
«Я не намерен верить вздору!  
Мне Вас никто не представлял!» —  
Плешивый кнопки нажимал

И говорил одновременно.  
«А Вы-то кто?» – спросил Роман,  
Но с уважением, почтенно:  
Он ведь и правда не был зван.

«Виталий Карлович Каргуз!  
Я в цехе зам по производству.  
И в точности из моих уст  
Вы передайте руководству:

Не стану с Вами дел иметь,  
Пока не получу возможность  
Хотя бы мельком посмотреть  
Инструкцию на Вашу должность!

А нынче нас прошу покинуть!»  
Роман был рад под землю сгинуть,  
Но чтоб не слышать этих слов:  
К такому не был он готов.

Роману скоро пятьдесят  
(Уже сам возраст впечатляет!) —  
Каргуз его «пинком под зад»  
Из цеха грубо выгоняет!

Роман с рожденья был раним,  
И страхи до сих пор остались:  
Ему казалось, что над ним  
Рабочие – и те смеялись.

Нет, это надо прекратить!  
Идёт он срочно доложить  
Начальнику об инциденте  
И непокорном элементе.

### 3

Арапов, выслушав его,  
Ответил вяло: «Ничего,  
Мы с этим после разберёмся». —  
«Как после? Мы опять столкнёмся

С проблемой этой, если мне  
Придётся в цехе очутиться!  
Чтоб снова к Каргузу явиться  
И говорить с ним наравне,

Обязанности типовые  
Нам надо срочно утвердить!  
Тогда смогу я заходить  
И в цех, и даже в кладовые». —

«Тебе не место в кладовых!  
Иные у тебя задачи!» —  
«Но в чём же смысл задач иных?  
Скажите мне, что это значит?» —

«Узнаешь после!» – был ответ  
Арапова. Он отвернулся,  
Сжал губы и в себе замкнулся,  
Как истинный анахорет<sup>40</sup>40.

Роман поставлен был в тупик:  
Его обязанности зыбки,  
Он до апреля – временщик,  
Достаточно одной ошибки,

Чтоб все надежды и старанья  
Трёхмесячного испытанья  
Похоронил бездушный рок...  
Ему укажут за порог.

Тогда зарплаты он лишится  
(А он ведь так нуждался в ней!),  
Жизнь снова в муку превратится,

И станет страх ещё сильнее!

**4**

Его уверенность страдала  
И таяла день ото дня,  
Его надежда покидала,  
И он, Арапова браня,

Чтоб с Каргузом не повстречаться,  
Боялся в цех теперь ходить.  
Стал телефона опасаться:  
Сам перестал в цеха звонить,

Остерегался трубку брать,  
Звонок услышав беспокойный...  
И вскоре стал подозревать,  
Что, как сотрудник недостойный,

Гоним он будет даже здесь,  
В стенах заводоуправленья,  
Его благие устремленья  
К нулю сведёт людская спесь.

Он страхом был парализован:  
Когда начальник вызывал,  
Косноязычен был и скован,  
Слова внезапно забывал,

Затем от внутреннего спора  
С самим собой страдал в тиши...  
Страх – ненадёжная опора  
Для равновесия души.

Роман стал очень возбудим,  
Он на Арапова сердился,  
С мечтой своей пить кофе с ним  
Без сожаленья распростился.

Намучившись, Роман решил:  
Январь стал месяцем фатальным!  
К его страданиям моральным  
Прибавились: упадок сил,

Пищеварения расстройство...  
Туфлями ноги он разбил  
И, демонстрируя геройство,  
С большим усилием ходил...

И в довершение всех бед

Под старой пломбой зуб сломался...  
Роман уже не сомневался:  
Против него весь белый свет.

## Глава 6. Прошлое

*Удар, полученный в дни августа,  
оглушил его на многие годы. Он  
жил как контуженный, попавший  
под фугасный взрыв.*

*А. Проханов. Господин Гексоген*

### 1

А были, были времена,  
Когда он был благополучен,  
Своей работой не измучен,  
А жизнь спокойна и вольна!

Сударушкина заместитель,  
Роман блаженно обживал  
Инструментальную обитель,  
Как все, работал, пировал.

В условиях социализма  
Он беззаботно прозябал  
И никакого катаклизма,  
Как все в стране, не ожидал.

Он вкус имел и утонченность,  
Их в институте развивал,  
Но в браке всю свою учёность  
Благополучно растерял.

Давнишний житель общежитий  
Дождался радостных событий:  
Квартиру получил, вступив  
В жилищный кооператив.

Наташа счастлива была,  
Хозяйкою став полноправной  
В квартире, и вела дела  
Императрицею державной.

Он телевизор полюбил  
И стал заядлым домоседом,  
Музеи стали под запретом,  
В театры больше не ходил.

Но скучно стало, и включился

Он в дачный бум: участок взял,  
Где он по выходным трудился,  
А на работе отдыхал.

Всерьёз надеясь на отдачу,  
Роман деревья корчевал...  
Он думал, будто строит дачу,  
А сам здоровье подрывал.

## 2

Но тут страна переменилась:  
Власть коммунистов испарилась,  
Как перелётные грачи,  
Вдруг появились богачи.

Роману тоже захотелось  
Богатым стать в один момент,  
И начал он эксперимент —  
Тот, где в цене азарт и смелость.

Роман уволился с работы,  
Где все заведомо банкроты.  
Есть новый путь: купил, продал —  
И ты уже богатым стал!

Но, обладая с детских лет  
Привычкой жить всегда по средствам,  
Он занимался самообразованием  
И бизнес свой сводил на нет.

Он честно подводил итоги  
И вовремя платил налоги...  
Роман тогда ещё не знал,  
Что миром правит «чёрный нал»...

Роман по городу метался,  
Успех как будто намечался...  
Как вдруг в разгар торговых дел  
Болезнью странной заболел.

Роману было неуютно,  
Когда один был, — хоть убей!  
И вскакивал он поминутно,  
Стремился быть среди людей.

Он спать ложился очень поздно,  
Когда сдержаться, не заснуть,  
Казалось, было невозможно...  
Но стоило глаза сомкнуть

И в сон желанный провалиться —  
Без всяких видимых причин  
Вдруг сердце начинало биться,  
И он всплывал из сна пучин.

Удары сердца нарастают,  
Роману кажется уже,  
Что кто-то за грудки хватает,  
Трясёт... Он весь настороже...

Он от испуга просыпался  
И вплоть до самого утра  
Уснуть не мог, хотя пытался...  
Настала тяжкая пора...

Признал себя капитулянтом  
Роман, и ноги привели  
К врачам... Болезни не нашли  
И обозвали симулянтом.

Почувствовав толчки в груди,  
Он не на шутку испугался,  
Сошёл с опасного пути  
И от торговли отказался.

Забыв о всех своих делах,  
О бизнесе, о внешнем мире,  
Он спрятался в своей квартире...  
В Романе поселился страх.

Себя подвергнув карантину,  
Кляня судьбу на все лады,  
Он вдруг увидел всю картину  
Творящейся вокруг беды:

Страна приходит в запустенье,  
Народ на произвол судьбы  
Цинично брошен... Как растенье,  
Что тихо чахнет без воды...

Никто не будет разбираться,  
Как приходилось в мире жить,  
Сейчас важнее постараться  
От краха личность сохранить.

Бег, обливание и йога  
Ему облегчили немного  
Страдания, но всё же он

Был до конца не излечён,

И чтоб с недугом разобраться,  
Продолжил он в себе копать...  
Так он попал в порочный круг  
Эзотерических<sup>41</sup>41 наук.

Чтоб наградить вопрос ответом,  
Он верил снам и всем приметам,  
И ум подбрасывал загадки  
В его тревожных снах украдкой.

Он интроверт был по натуре,  
Прочитанному доверял,  
И всё на собственной же шкуре,  
Не отлагая, проверял.

Жена ждала, когда пройдёт  
Его учёба на диване,  
А он в ответ твердил: «Вот-вот  
Найду источник силы в пране<sup>42</sup>42!

Позволь мне истину найти,  
Она, я знаю, где-то рядом,  
Я к ней уже на полпути! —  
И он смотрел молящим взглядом. —

Тебе, я знаю, нелегко  
Работать за двоих, но всё же —  
Я погрузился глубоко  
В проблему, это нам поможет.

Я дать смогу любой совет,  
Развею в прах твою тревогу,  
Откроется мне знаний свет,  
И он укажет нам дорогу!»

Жена устала понимать:  
«Всё изучаешь, изучаешь...  
Нельзя на свете всё узнать...  
Прости, но ты меня пугаешь!»

Семья несчастна без главы...  
Мечты о будущем изящны,  
Они прекрасны... Но, увы —  
Жить можно только в настоящем.

Что можно было предпринять?  
Скудна учителя зарплата,

И денег было маловато.  
Брать в долг? Придётся отдавать...

Жена, не трать время даром,  
Желая мужа поддержать,  
Гонялась в Польшу за товаром,  
Чтоб в Питере его продать.

### 3

Страна немного ожила  
И быстро шла к капитализму,  
Роман, забросив все дела,  
Упорно рвался к альтруизму.

Поддавшись хаосу в стране,  
Он будто бы утратил разум  
И сам, по собственной вине,  
Всего добра лишился сразу:

Машина, дача и гараж  
Другим достались за бесценок.  
Живя на деньги с этих сделок,  
Роман уже вошёл в кураж:

«Помочь я бескорыстно рад,  
Мне чужды кошельки тугие.  
Я много заслужил наград,  
Но получали их другие».

Уверовав в ничтожность жизни  
И в бренность денег и вещей,  
Жене он, кроме укоризны,  
Других эмоций и страстей

Внушить не смог, как ни старался,  
И с этой мыслью он расстался —  
Лишь потому, что нужно есть,  
А денег было тысяч шесть.

Случись, что он бы продолжал  
Своей позицией гордиться,  
То превосходный маргинал  
Мог из него бы получиться...

И к этому всё плавно шло:  
Роман рядиться стал в обноски,  
Чтоб выделяться видом броским  
Всем окружающим назло,

И в жизнь его вошли моменты,  
Когда милиция к нему  
Вдруг приставала, как к бомжу,  
Чтобы проверить документы...

Но, слава Богу, есть жена,  
И от сумы спасла она!  
Роман призвал своё терпенье  
И подрядился на пельмени.

Захваченный в водоворот  
Дел повседневных и забот,  
Работал, страх преодолая,  
О нём порою забывая.

С деньгами стало веселей,  
Романа радовал достаток...  
Пришла пора плохих вестей —  
И был закрыт его участок.

Он неудачу пережил,  
На это месяца хватило.  
Роман попробовать решил  
На макаронах свои силы,

И целый год трудился там,  
Терпел презрение хозяев,  
Потом ушёл, теперь уж сам,  
Устав от вечных нагоняев.

Он был лишён моральных сил  
И мужества от невезенья,  
И у Наташи попросил  
Отсрочку для восстановленья.

Наташа, видя, что Роман  
Устал, ему благоволила,  
Пойдя на маленький обман,  
Купить компьютер попросила.

И он увлёкся: целый год  
Сидел, компьютер изучая,  
Упорно двигался вперёд,  
Дней и ночей не различая.

#### 4

У них был сын, Борей Максим,  
Но встречи были с ним коротки:  
Максим на севере служил,

На атомной подводной лодке.

О, как гордимся мы собой,  
Когда у нас рождаются детки!  
Потом смиряемся с судьбой,  
Когда свиданья с ними редки:

У каждого из них своя  
Судьба, что не даёт покоя,  
Влечёт их в дальние края...  
Подводников – на дно морское.

Когда твой сын на глубине,  
Невольно на душе тревожно,  
Но, зная, что не на войне,  
С тревогою смириться можно...

Жаль, мы не вправе заключать  
С самим Нептуном соглашения —  
Там, где бессильна наша власть,  
Нередки жертвоприношенья.

Случилась страшная беда:  
Разрушил корпус взрыв короткий —  
И поглотила глубина  
Весь экипаж подводной лодки.

Не смог оправиться Роман  
После такого потрясенья...  
Но взялся он не за стакан —  
Читал до умопомраченья.

## **Глава 7. Издержки землячества**

*На лице у него попеременно выступал  
не то страх, не то тоска и досада. Видно  
было, что его одолевала внутренняя борьба,  
а ум еще не являлся на помощь.*

*И. Гончаров. Обломов*

### **1**

Настал февраль, и с каждым днём  
Росло Романа озлобленье.  
Арапов вспоминал о нём,  
Когда видал, что на мгновенье

Оставил он рабочий стол  
И для разминки отошёл  
На несколько шагов в сторонку,

И говорил с угрозой громко:

«Я вижу, ты у нас без дела?  
Работу я тебе найду!»  
Роман садился и несмело  
Оправдывался на ходу.

Что недостаточно загружен,  
Роман боялся подтверждать:  
Зачем же он тогда здесь нужен?  
Раз так – зарплаты не видать!

Борей на фоне сослуживцев,  
Работой занятых счастливыхцев,  
Себя изгоем ощущал  
И о занятии мечтал.

Чтоб от других не отличаться  
И у начальства быть в чести,  
Гадал он, чем ему заняться  
И как с людьми себя вести.

Он видел, что у тех заданий,  
Что он так редко получал,  
Нет чётких, ясных очертаний:  
Как губ Арапова овал,

Они бесформенны, размыты  
(Не линии, а бахрома),  
Их цель и смысл надёжно скрыты  
От неокрепшего ума.

Однажды, по пути к метро,  
Роман, увидев, как овчарка  
Ворону в зоне лесопарка —  
То зрелище, как мир, старо —

Облаяла, подумал грустно:  
«И у собаки дело есть,  
А у меня, хоть встать, хоть сесть,  
Дел нет, а без работы скучно».

О, горе, двадцать первый век!  
Насколько жалок человек,  
Что позавидовал собакам!  
Пусть это будет сильным знаком.

2

Всё вызывало его гнев:

Потребность рано просыпаться;  
По эскалатору спускаться  
В метро глубокий страшный зев;

Пыль на полу; людской поток;  
Противно пахнувший чеснок  
На фоне пива или водки —  
Дыхание лужёной глотки;

Вид опустившихся мужчин,  
Что разучились чистить обувь  
И знают тысячи причин  
Не уступать места убогим;

Стаккато женских каблучков,  
Подобно стуку молотков,  
По нервам бьющее бичами;  
Мешки под сонными глазами;

Овалы бледных женских лиц —  
Ещё без губ и без ресниц,  
А лишь готовых к нанесенью  
Румян, помад, к подводке тенью —

Как для матрёшек заготовки,  
Что для покраски, лакировки  
Лишь подготовлены слегка  
И очереди ждут пока;

Народ, встающий спозаранку,  
Как вывернутый наизнанку,  
Угрюмо шедший на завод,  
Неся в кармане бутерброд;

Бутылки, воткнутые в снег,  
Как памятник самодовольства,  
Как признак буйства без помех  
И бесполезного геройства...

Унылый вид... Потухший взгляд...  
Рука с горящей сигаретой...  
Возле метро он был не рад  
Мелькать статистом в сцене этой...

И лишь бойцовые старушки,  
Что, лихо шапки заломив,  
Молотят сумками друг дружку,  
Простор метро не поделив,

Порой немного отвлекали  
И вызывали его смех...  
Жаль, мало их, старушек тех,  
Что избавляют от печали.

### 3

Но в середине февраля  
Слегка поводья отпустили,  
Когда к ним на исходе дня  
Шумахера переселили —

С помощницей неясных лет,  
Бумаг и папок ворохами,  
Заявками на инструмент,  
Двумя свободными столами.

Был переезд осуществлён  
Стремительно, в одно мгновенье.  
Евстрат был очень удивлён,  
В словах сквозило раздраженье:

«Тебя я здесь не ожидал!  
Теперь нарушена компактность! —  
Затем, чтоб скрыть свою бестактность,  
Евстрат Шумахеру сказал:

— Амелькина недавно встретил...» —  
«И что же? Как сейчас Иван?» —  
«Я перемены не заметил:  
Амелькин, как обычно, пьян!»

Они немного посмеялись,  
Потом снабженцы дружно взялись  
В углу порядок наводить,  
Где их решили разместить.

### 4

О столь невыгодном контрасте  
Роман и думать не посмел —  
Он статуей весь день сидел,  
А рядом с ним кипели страсти:

Шумахеру цеха звонили  
И кладовщицы приходили,  
А он на них, как господин,  
Смотрел с заоблачных вершин.

Роман, в добавок, ощутил  
Свою беспомощность сильнее,

Когда Арапов лист вручил,  
На нём – таблица, рядом с нею

Сам генеральный написал:  
«В.И., как будем экономить?»  
Гудков переадресовал:  
«Г.П., Борея ознакомить

И вместе срочно доложить!»  
В таблице – список инструмента...  
Роману не хотелось жить.  
Он в страхе ждал того момента,

Когда придётся на доклад  
Идти, что сам Гудков назначил...  
Он доложить и был бы рад,  
Но так работать и не начал:

«Зачем хожу я на завод?  
Ведь то, что названо работой,  
Не более чем скуки плод,  
Вознаграждаемый зевотой...»

Зато Евстрат стал поручать  
Роману мелкие задания,  
Что позволяли покидать  
Не только стол – пределы зданья:

В копировальное бюро —  
Для размноженья документа,  
На посещение клиента  
В охране получить добро.

Романа это удивляло:  
Ему никто не предложил,  
Чтобы Евстрату он служил.  
Тогда бы это означало:

Он должен статус поменять  
И впредь задания выполнять,  
Достойные не инженера,  
А примитивного курьера.

Жидков Романа поддержал:  
«Я это тоже испытал:  
И пропуска, и размноженья,  
И остальные униженья...»

Надеюсь, временно всё это...»

Спросил и у жены совета  
Роман, не зная, бунтовать  
Или свой гнев пока скрывать:

«Хотел бы я понять причину,  
Дающую Евстрату власть...  
Он резко поменял личину  
И мною пользуется всласть...

Единственный законный повод  
Распоряжения давать —  
Он любит кофе распивать  
С Араповым...» — «И это довод?

Какая должность у него?» —  
«Того никто из нас не знает...  
Ах, да! Он часто посещает  
Гудкова... Больше ничего!

Так почему я должен слепо  
Его задания выполнять?  
Всё унизительно, нелепо...  
И больше нечего сказать». —

«Но, может, лучше потерпеть?» —  
«Конечно, лучше прогуляться,  
На свежем воздухе размяться,  
Чем за столом весь день сидеть.

Жидков всё это испытал —  
Сейчас работой не обижен.  
Теперь, видать, мой час настал.  
Мой статус временно занижен,

Чтоб испытание пройти...  
На преданность, я полагаю...  
Я справлюсь, чтобы обрести  
Всё то, о чём давно мечтаю:

Компьютер он мне должен дать,  
Зарплату и местечко лучше...»  
И он продолжил выполнять  
Задания, что давал Онучин.

## 5

В столовую тот не ходил,  
И неизвестно чем питался,  
Лишь кофе очень часто пил  
Да у Гордея угощался.

Он у Романа стал просить  
Чай, сахар, кофе растворимый.  
Был рад Борей, всегда учтивый,  
Свои услуги предложить.

Но каждое благодеянье  
Рождало новое страданье:  
Роман, как только сахар брал,  
Всегда брезгливо замечал

Неряшливые крошки кофе  
На сахаре. Роман немел  
От всех подобных грязных дел.  
То было близко к катастрофе!

Ему казалось, что, смеясь,  
Евстрат ступает сапогами  
На скатерть белую, и грязь  
Летит огромными кусками!

«Он словно мне даёт понять,  
Что занят слишком важным делом,  
Чтоб сахар, кофе покупать,  
И всяким глупым, неумелым

Он оставляет эту роль...  
Ну, нет уж, ты меня уволь!»  
Когда Онучин обратился  
К нему за кофе, он решился:

«А ты не будешь возражать  
Слегка порядок поменять?» —  
«Сначала сахар, полагаю?..  
А-а, понимаю... Понимаю...»

Роман весьма доволен был,  
Что честь достойно защитил:  
«Онучина я не обидел,  
Я вежлив был, он это видел».

Процесс глотанья кофе – тонкий...  
Язык слегка прижат к губе...  
Евстрат глотал, рождая громкий  
Звук, словно в фановой трубе.

Борей скопировать решился  
Тот мерзкий булькающий звук,  
Глотнул – и чуть не подавился:

Не примеряй чужой сюртук!

**6**

Внезапно заболел Савчук.  
Арапов поручил Роману  
Сменить больного и по плану  
Трудясь, не покладая рук,

Важнейшее продолжить дело.  
И начал он, сперва несмело,  
В отделы и цеха звонить,  
С сотрудниками говорить.

Печатал кипы документов  
И их по почте отправлял,  
Потом ответы получал  
Цехов, заводов-контрагентов.

Он договоры оформлял,  
Подписывал у руководства,  
Ни в ком из них не замечал  
Ни тени спеси и господства.

Борей как будто вдруг попал  
В мир совершенно незнакомый,  
Себя уже не узнавал,  
Другими целями влекомый.

Стол, за которым он дремал  
В местечке тихом и укромном,  
Вдруг все условности сломал —  
Стал, как Вселенная, огромным.

На месте, где Борей согбенный  
Сидел озлоблен, нелюдим,  
Явился господин почтенный,  
Который всем необходим.

Арапов тоже изменился —  
Как будто образ поменял::  
Стал собранным, остепенился,  
Задания теперь давал

Предельно чётко и понятно,  
И так же строго, адекватно  
Он требовал их выполнять.  
Однажды даже попенять

Пришлось Романа за задержку

При оформлении счетов:  
Роман пока был не готов  
Иметь в делах такую спешку.

Однажды он искал в столе  
У Савчука, в его записках,  
Бумагу, что найти велел  
Арапов, – нечто вроде списка

Увидел. Множество имен  
Найти надеясь, глянул мельком —  
И был он очень удивлён:  
В нём сплошь – фамилия Амелькин.

Все строки списка – только он,  
Напротив – время входа в здание,  
И всяк поймет, в чём он грешон:  
Везде – сплошные опоздания.

И раз в столе у Савчука  
Тот список непростой хранился...  
Знать, он следил исподтишка  
За тем, кто в чём-то провинился.

7

И вскоре радостная дата —  
Борея первая зарплата!  
Как только деньги получил,  
Роман супруге сообщил:

«Я точно выбрал цель свою —  
Найти несложную работу,  
Чтоб снять извечную заботу —  
Как прокормить свою семью.

Арапов вёл себя манерно,  
Но обещание сдержал:  
Начислил, как и обещал,  
Пять тысяч ровно... Здесь всё верно.

Три месяца пройдёт – и надо  
Начальству задавать вопрос  
О повышении оклада...  
Я до него уже дорос!»

## Глава 8. День Защитника Отечества

*Кто столь пропащий из вас, столько безумен, что скажет патрону:  
«Пей!» Очень много таких существует вещей, о которых*

*Люди в дырявой одежде никак говорить не посмеют.  
Ювенал. Сатиры*

**1**

Февраль к концу... Но так же снежно  
И так же ветрено пока,  
Стоит мороз... Но неизбежно  
Когда-нибудь придёт весна.

Хотя сомненья всё же есть,  
Что столь близка благая весть, —  
Сурова Севера природа,  
Капризна Севера погода.

На свете не везде найдёшь  
Места, где веры нет прогнозам,  
Туман, переходящий в дождь,  
И солнце, жгущее морозом.

Здесь стоит лишь зиме начаться —  
Уж от неё не отвязаться:  
Проходит март, апрель грядёт,  
А снег по-прежнему идёт.

Уже пора начаться грозам,  
Но не торопится весна,  
И время сковано морозом,  
И снежных бурь стоит стена.

Нас крепко держит Норда длань:  
Мы ежегодно платим дань,  
Терпя в разгар весны, в апреле,  
Морозы сильные, метели.

Мы долго с нетерпеньем ждем,  
Когда подует ветер южный,  
Но валит снег, такой ненужный,  
Его все больше с каждым днем...

Недоуменье возрастает...  
Но снег давно уже не тот:  
Хоть он по-прежнему идёт,  
Но в тот же день бесследно тает.

**2**

Так в ожидании весны  
Сидел Роман – вновь без работы.  
Задачи снова неясны,  
И скулы сводит от зевоты.

К нему вернулось опасенье,  
Что за малейшее движенье  
Его Арапов обвинит  
В том, что от дела он бежит.

Его, как прежде, удручало,  
Что слово редкое звучало,  
И каждый был сам по себе,  
В работе тяжкой, как в борьбе,

Себя нещадно истязая:  
Савчук, задумчиво склонясь  
И головы не поднимая;  
Стучал усердно, не ленясь,

По старенькой клавиатуре  
Жидков который день подряд,  
К черновикам, как к партитуре,  
Переводя суровый взгляд.

Роман чуть позже уловил,  
Что фон рабочий изменился  
С тех пор, как к ним переселился  
Инструментальный коллектив.

Он, сожалея, что напрасно  
Ввязался в этот технадзор,  
Стал различать довольно ясно  
Двух голосов негромкий хор.

Но от компании из тех,  
Кто был работою измучен,  
Стоял особняком Онучин.  
Он был общительнее всех

И разговоры о футболе  
Сам без стеснения начинал:  
Кто, с кем, когда и как сыграл,  
Об игроках, забитом голе.

Забыв про тяжкий свой обет,  
Все в этот разговор включались,  
Помолодев на много лет,  
Они шутили и смеялись.

Всё это было бы нормально  
(Работа есть – гляди орлом!),  
Когда бы не вздыхал печально

Савчук за письменным столом

И из груди Жидкова крепкой  
Не вырывался тихий стон.  
Любой из них был незаметной  
Стеной молчанья окружён.

3

Роман уверен был: пройдёт  
Два месяца или чуть больше —  
Стена молчанья станет тоньше,  
И напряжение спадёт.

«Застолье – вот что нам поможет, —  
С надеждой размышлял Борей, —  
И стену эту уничтожит.  
Эх, был бы праздник поскорей!

Ещё ни разу в жизни этой  
Рецепт сближенья не подвёл,  
Каких людей – простых, известных —  
Со мной он не однажды свёл!

И знал людей любой из нас,  
За стол сающихся врагами,  
Но расстающихся друзьями,  
Пусть даже на короткий час.

Известно: пьянство – это грех!  
Но водка свойством обладает —  
Она уравнивает всех,  
И каждый пьющий это знает.

И напряженье в коллективе —  
Его я чувствую нутром! —  
Должно исчезнуть в перспективе.  
Пройдёт наш комнатный синдром.

Есть уважительный предлог —  
Грядёт День Армии и Флота.  
Эх, если бы я только мог  
Всех из застойного болота

Увлечь, чтоб вместе ощутить  
Все преимущества общенья!  
И я готов... Но есть сомненья:  
Кто первый должен предложить

Организацию попойки

(Ведь смысл именно такой!)?  
А может, в годы Перестройки  
Мутировал наш ген мужской?

Нет, мне нельзя! Я здесь недавно...  
Себя пока не проявил...  
Савчук? Работает исправно,  
И на заводе старожил.

Да и Жидков в авторитете:  
Завален кучей важных дел —  
Замолвить слово о банкете  
И он бы мог... Когда б хотел...

Нет, эти явно не хотят,  
Смирились с вялым самотёком,  
И от меня отводят взгляд,  
Когда смотрю на них с намёком.

Их, может, парализовал  
Амелькина пример порочный?  
Все помнят, как ему давал  
Онучин свой эпитет точный!»

#### 4

Но наступило, снег стеля,  
Двадцать второе февраля,  
Канун Дня Армии и Флота,  
Романа главная забота —

И понял он, лишь день начался:  
«У нас не будет ничего!»  
Обед неспешно приближался,  
И за минуту до него

Пришёл Арапов. С ним Онучин,  
Он почему-то целый день  
С Араповым был неразлучен  
И следовал за ним, как тень.

Уселись, пристально глядят —  
То ли просяще, то ли строго,  
О чём-то тихо говорят  
Между собою у порога...

Как будто бы чего-то ждут...  
А может, сторожат кого-то...  
Минуты между тем идут,  
И всё сильнее есть охота...

Роман к Жидкову повернулся,  
Взгляд бросил в сторону дверей —  
Жидков немедля встрепенулся:  
«Пойдём в столовую скорей!»

И только вышли в коридор,  
Как в нос ударил запах водки,  
Картошки, лука и селёдки —  
Нетленный праздничный набор!

Пустынно было в коридоре,  
А из-за закрытых дверей —  
Шум голосов в нестройном хоре  
Желавших выпить поскорей.

В столовой тоже пусто было.  
Борей с Жидковым, не спеша,  
Поев досыта гуляша,  
Вернулись в офис свой уныло.

## 5

Всё так же за столом сидели  
Онучин и его патрон.  
Арапов встал, свой скромный трон  
Покинул и пошёл отселе,

Онучин вслед заковывлял.  
А праздник силу набирал.  
Вот дамы, скромные вначале,  
Теперь уже, как на вокзале,

Свободные от строгих бразд,  
Галдели, кто во что горазд,  
Своих героев поздравляя...  
И чуточку обожевляя.

Звон рюмок... Громкий разговор...  
И вот запел нетрезвый хор.  
Потом столы отодвигали  
И, словно в танцевальном зале,

Раздался дружный топот ног  
Как раз над головой Романа.  
«Да, славный выдался денёк! —  
Подумал он под звук канкана. —

Какое разочарованье!  
Не коллектив — одно названье!

И каждый будто позабыл,  
Что он в стране советской жил».

Конец «работы» был всё ближе,  
Арапов вновь их посетил.  
«Нет мужиков у нас, я вижу!  
Сейчас я это ощутил», —

Сказал он, не скрывая злости,  
И, подчинённых оценив,  
Кому-то тут же позвонив,  
Нахально напросился в гости.

## Глава 9. Новые цели

*– Научись чему-нибудь, – сказал он, меняя  
тему. – Тогда время станет твоим союзником,  
а не врагом.*

*П. Коэльо. Пятая гора*

### 1

Онучин, если он бывал  
Насмешливым и многословным,  
Частенько экзаменовал  
Сотрудников на знанье «мовы»<sup>43</sup>43.

Все знали: произведена  
Компьютера переналадка —  
В клавиатуру введена  
И украинская раскладка.

Евстрат коллегам объяснял  
Причину странного занятия:  
Мол, много писем отправлял  
Он украинским предприятиям.

Борей решил, что он чудит,  
Относится, как к безделушке —  
Евстрат не только говорит,  
А даже думает по-русски:

«Ты любишь Крым, понятно дело,  
И хочешь поддержать плечом,  
Чтоб жизнь в Керчи не оскудела...  
Но «мова», «мова» здесь причём?

В Крыму на русском говорят...  
Как, в основном, и в Украине.  
Опасно здесь входить в азарт,

Всех принуждая к новой жизни —

В особенности к языкам.  
Кто чей язык предпочитает  
И чью культуру выбирает —  
Не нам судить издалека». —

«Задач немало у отчизны,  
Что призвана она решить,  
Ей образ мыслей, образ жизни,  
Культуру важно защитить.

Культура есть душа народа,  
У каждого она своя,  
Субстанция такого ж рода,  
Как человеческое «я»». —

«Но в русскую культуру вклад  
Внесли украинцы огромный,  
Быть ей чужими – шаг назад,  
Поступок для страны разгромный». —

«Культурного наследия доля  
На русском создана была...  
И это – сущая неволя,  
Свободной нации хула!

Мы иностранные слова  
Твердим до умопомраченья,  
Бездумно, ради баловства,  
Не понимая их значенья.

Кавур Камилло<sup>44</sup> 44, граф, сказал,  
Что он Италию создал,  
Сломив засилье иностранцев,  
Теперь создаст он итальянцев...

И перед нами та же цель  
Стоит – украинцев создание...» —  
«Ну, а в «техническом задании»  
Указана уже модель?» —

«Этническое<sup>45</sup> 45 государство  
Нам не создать – проблем не счесть...  
Но в политически-гражданском  
Формате – тут подвижки есть.

На базе социокультуры<sup>46</sup> 46

Консолидация<sup>47</sup> 47 идёт». —  
«Но ведь в основе всей структуры —  
Язык, что Рада<sup>48</sup> 48 изберёт...» —

«Надеюсь я, что обойдётся:  
При соблюдении всех прав,  
Свобод, всё общество сольётся  
В единый монолитный сплав.

Места, что стали им родными,  
Полюбят русские нежней,  
И станет языка важней  
Их принадлежность к Украине». —

«Всё очень хрупко там пока,  
И ваша резвость всё погубит.  
Лишите русских языка —  
И вы увидите, что будет!

Однажды вспомнят, кто они,  
Все ваши «квазиукраинцы»<sup>49</sup> 49,  
И годы с «мовою» возни  
Не будут стоять и мизинца!» —

«Едва решим мы уравнивать  
В правах украинский и русский,  
То сразу примется болтать  
На русском аппарат чинушский

И «мову» позабудет враз —  
Предвижу низкое коварство...  
Нет, двуязычие у нас  
Не станет целью государства!» —

«Но с незапамятных времен  
Существовало двуязычье:  
Был русский языком панов,  
В низах – наречие мужичье.

Всё это для меня – азы,  
Нас в школе этому учили:  
На «мове» только лишь низы  
Украинские говорили.

Похвально слушать предков зов  
И развивать родную «мову»...  
Но почему язык низов  
Вы взять решили за основу?

Бессилен кто-либо помочь  
Наречиям региональным,  
Как для Германии «хождойч»<sup>50</sup><sub>50</sub>,  
Стал русский языком тотальным.

Тому, кто трогал небеса,  
На землю тяжело спускаться!  
Нет, «мове» с русским не тягаться,  
Хоть в ней природная краса.

Ведь тяга к языку созвучна  
С возможностями языка.  
Он будет царствовать века,  
Когда в нём всё благополучно.

Необходимо всем признать:  
У «мовы» статус очень узкий,  
Захочешь «мову» развивать —  
Получишь в результате русский.

«Имперский» русский наш язык  
Поймёт украинец прекрасно,  
К нему давно уже привык,  
И знает он, что не напрасно.

Вполне достаточным был факт  
Для всех украинцев советских,  
Что существует некий пакт,  
Надёжный, из разряда веских —

Украинских газет и книг  
Он гарантирует издание,  
Поддерживая процветанье  
Украинских поэтов в них...

Поэтов тех мы не читали,  
Зато приятно было знать,  
Что этнос наш не обижали.  
А больше нечего желать». —

«Быть Украине «незалежной»<sup>51</sup><sub>51</sub>!  
И «мова» – символ всех свобод.  
Свою судьбу страны успешной  
Сам будет выбирать народ!» —

«Мне кажется, здесь заблужденье...  
Для тех, кто был родней всегда,  
Имел одно происхождение,

Язык единый – не беда.

Весь мир стремится к единенью  
И усилению структур...  
А Украина – к разделенью  
Неразделимых двух культур.

Какой-то дьявольской стихией  
Вдруг поразило всю страну —  
Все жаждут возвести стену  
Меж Украиной и Россией.

Язык, явление культуры,  
Вдруг под влияньем Сатаны  
Стал средством смены конъюнктуры<sup>52</sup>  
В масштабах общества, страны.

Мы отовсюду слышим брань,  
Её источник на Майдане<sup>53</sup>...  
А есть ли между нами грань?  
Я сам проверил – нету грани!

Наполовину украинец,  
Я здесь, в России, русским стал —  
И ничего не потерял,  
Я дома, а не на чужбине.

Мне не пришлось себя ломать,  
Чтоб раствориться в местных нравах.  
Пришлось свой уровень поднять  
В культуре, моде и забавах.

Ну как Россию отделить,  
Когда родни здесь половина?..  
Ты тоже, что ж душой кривить,  
У тётки проживаешь с сыном...

Ведь то же самое прошли  
И наши светочи культуры —  
Они опору здесь нашли  
Под новый взлёт литературы». —

«В России тоже высший свет  
Беседы вёл лишь на французском,  
Но Пушкин моду свёл на нет —  
Заставил говорить на русском». —

«И тут ты абсолютно прав:  
Мы «мову» тоже изучали...

Но, сказки Пушкина познав,  
Мы русский навсегда избрали...»

## 2

Роман со временем узнал,  
В чём суть Онучина работы:  
Он без конца, не зная квоты,  
Руководителей снабжал

Огромной массой документов  
(Докладов, графиков, статей,  
Рекламы, планов и речей) —  
Аналог службы референтов.

Всё это в массовом числе,  
Эксплуатируя СУБД ЛИНТЕР<sup>54</sup>54,  
Он отправлял на общий принтер,  
Стоявший на его столе.

Бумаги пачка – тут же, рядом,  
И, в соответствии с обрядом,  
Брать ту бумагу каждый мог  
Без мысли запастись впрок.

«Как быстро пачка убывает, —  
Сказал задумчиво Евстрат. —  
Транжирство нам не подобает,  
Наш долг – снижение затрат!»

И в личный шкаф убрал бумагу.  
Роман к Евстрату на поклон  
Ходил, всегда был вежлив он...  
Пока не прорвало беднягу:

«Глупее не встречал помех —  
Просить бумагу для работы!  
Бывают в жизни анекдоты,  
Но этот же нелепей всех!»

И он в отсутствие Евстрата  
Листов десятка три стащил,  
Решив, что, обокрав собрата,  
Он не фатально согрешил.

И вскоре новый цикл начался:  
Никто бумагу не просил,  
И принтер лишь тогда включался,  
Когда Онучин уходил...

3

Идиллии очарованье  
Внезапный поворот сменил —  
На экстренное совещанье  
Их всех Арапов пригласил.

Картавя больше, чем обычно,  
Он строгим голосом сказал:  
«Я вас предупреждаю лично,  
Чтоб впредь любой из вас писал

Для предварительной проверки  
Сначала всё в черновиках  
На забракованных листах!  
И, как рачительные клерки,

Печатать можете тогда,  
Когда я дам вам разрешение!  
Понятно вам моё внушеньё?  
Всё, за работу, господа!»

Такой приказ, вполне логичный,  
Был для сотрудников не нов...  
Но не было у них приличной  
Бумаги для черновиков.

Отходы творчества Евстрата  
Лежали кучей на столе,  
Бумага, в основном, измята,  
И он везде запечатлел

Своих пометок закорючки  
Или оставил вкривь и вкось  
Глубокие, как варикоз,  
Следы от шариковой ручки.

На тех листах, с собой борясь,  
Роман писал с тоской понятной:  
Следы от ручки неопрятной  
Ему напоминали грязь.

И вдруг спаситель объявился:  
Из дома приносил Жидков  
Бумаги множество листов  
И с сослуживцами делился.

Его жена была диспетчер  
В оптовой фирме, каждый вечер  
Она носила для родных

Листы негодных накладных.

**4**

Борей по-прежнему сидел,  
Далёкий от великих дел,  
Лишь разовые порученья —  
Вот суть его предназначенья.

Он не впервые заменял  
Активность праздностью сидячей —  
Как душ холодный и горячий  
Он словно бы переключал.

Наташа не могла понять:  
«Как можно ничего не делать —  
При том зарплату получать?» —  
«Как мне всё это надоело! —

Стонал Роман. – Но я-то пешка,  
Мне всё равно – затишье, спешка,  
Работать я готов всегда...  
Но что же эти господа?

Страну найдите в целом мире,  
Способную себе в ущерб  
Ресурс рабочий так транжирить,  
Позоря свой державный герб!

И как велик потенциал  
Страны, позволившей такое,  
Что испытал я поневоле.  
То не страна, а идеал!» —

«Мы не умеем экономить,  
Нас воспитал социализм...» —

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.